

III.
— Полина Викторовна! Вас тут спрашивают... — Алевка заглянула в дверь и, оборотившись, крикнула кому-то в коридоре: — Проходите, здесь она.
Вошла Петровская. Полина всколыхнулась.
— Александре! Матвеевна! Кто случился? — Борис не почел дма. Меня вызывают в школу. Нет сил пережить...
— Что они вам сказали? — Какой-то постылый по-ступок. Оскорбил Инну Фадееву.
Полина дернула пальто с вешалки: — Идемте!
Петровская замаяхила руками: — Не могу. Просто не знаю, что там со мною будет.
— Хорошо. Ждите меня завтра. Четвертая школа располагалась в типовом здании, поэтому Полина Викторовна не составила большого труда быстро отыскать кабинет директора. Навстречу ей из-за стола поднялся невысокий полный мужчина. Он смотрел на нее с выражением потерпелости, как будто пытался что-то вспомнить, но это ему никак не удавалось. Ямщикова представлялась, добавив, что мать Петровского нездорова и сама прийти не может. Болезненная гримаса проскользнула по лицу мужчины.
— Да, знаете ли, неприятная история. Инна Фадеевна подняла большой шум. Коллектив взмушлен. Придется созвать педсовет. И это в самый关键 момент! — Директор был бесконечно удручен случившимся.
— Да, но что же все-таки произошло?
— Без особого энтузиазма директор повелел ей, что после уроков физкультуры четверть классиков (Их подумывали только — взрослые мужчины) напильники поверх красные спортивные трусы и в таком виде явиться на урок Инны Фадеевны. Полина показательно, что ее собеседник повторяет чьи-то слова и даже интонации, она представляла четверть вальсоватых обложков, у которых из-под пиджаков выглядывали красные полоски трусов, и не могла не улыбнуться.
— Огорзело...
— Конечно, — оживился директор. — И я так считал. И многие из нас. Но... — он сразу же смил, делая вид, что очень серьезный. — ЕСТЬ предложение снизить годовые оценки по дисциплине и даже не допустить до экзаменов.
— Борис Петровский? Что... и он тоже вырядился подобным образом?
— В том-то и дело. Сам-то он... — Спринговалась, рывала ребят — и в кусты. — И опять пролезались чужие интонации. — Гас уж им было самим до такого додуматься! А Петровский — он из места классному руководителю.
— Нет, что-то тут явно не так, — думала Полина Викторовна. — Не тот характер, чтобы втираться шкодлив. Гордец этак, да он никогда бы не снисшел до подобной пакости.
— Помышлите! Это они так сказали?
— Кто они?
— Эти самые... в красных трусах? — и она засмеялась.
Директор улыбнулся тоже: — Как же, скажут они!
— Но откуда же? — Полина всколыхнулась, не скрывая тапавания. — Откуда у вас эти сведения насчет Бориса Петровского?
— И вы не усомнились?
— Боже мой! — директор вытаращил платок и вытер потное лицо. — Да этот Петровский! Он же... он так оскорбил Инну Фадееву! Ученику — и такое сказать в глаза учителю: «Вы — несправедли-

вый и злой человек!»
Полина с недоумением смотрела на стоящего перед ней человека.
— Оскорбил? — покачала головой. — Да знаете ли, если ученики говорят такое учителю, тому надо немедленно уходить из школы.
Директор от этих слов пришел в испонисное молчание, замаяхил руками: — Что вы! Как можно! Инна Фадеевна — наш лучший педагог.
— Откуда и все беды, — она наклонила голову. — Прощайте! — Но, отворив дверь, приостановилась. Значит, что? Человек э, как видите, восторженный, но, честное слово... подумайте сами — какое же это оскорбление — злосчастные эти трусы! Ребечество, дурость натуральная! Ну как-нибудь их там, наверное, стоит поучить. Да пусть бы извинились, и ну же перед Инной Фадеевой. А ей, между прочим, тоже следует извиниться.
— Перед кем же?
— Перед Борисом Петровским. Посоветуйте ей. Это лучший выход. Между прочим, в извещении, Борис Петровский не почел дома. И никто не знает, где он сейчас, — нанесла этот последний удар, она вышла.
Скоро донесли. И отсюда она азяла, что он обязательно ей объяснится, жесля родная мать о чем ничего не знает? Виза! Надо же! — Полина вытаращилась из-за бочки постель, собралась скинуть хаат, как слабо завыкнул звонок.
— Мойка! — обессеиленно приналялась к коску.
Стоит Борька, цыпалак длинноногий, взоросшийся, помятый, нематая физиономия, мрачное тучи. Полина зашла в его в коридор, сунула в руки телефонную трубку: — Звон, полетел, матери! — Вурикул в трубку: — Мам, ты не волнуйся... Сдернула с красавицы куртку, автолалка в ваину: — Мойка!
Вышла посвежевший, только глаза провалелные. — Ночевал где?
— В аэропорту.
— Ах ты, прохвост! Отскакать бы тебе за твои красивые куртки! Песорин окаянный!
Чай пел! Колбаса вот, леб-б довай. Ну, чего сморщился? Ешь, кому говорят!
Встала над ним, скрестила руки: ну, что, мол, скажете худощавого, молодой человек?
— А «молодой человек» поерзал в нерешительности и изрек: — Дадите взаимн пытается рублет?
Час от часу не легче! Хотя такого оборота и слоговало ожидать при сложившихся обстоятельствах. Неурядицы в школе, дома — дуй на БАМ или в Антарктиду. Недавно нечто жоткое демонстрировал по телевидению. Вот Боренька и решил извлечь урок. Поатаиула ногой табурует — соца паритион: — Звезек тебе — скажи нм милосуд?
— Дадите или нет? — и глаза сузили, будто стрелять изготавился. — Ага! — и в восторг горькое торжество: так, мол, я и знал — ась ва, взрослые, только на крапчане соца вечки мастера, а если мурчунис, то и так же! — И еще что? — Вскочил. Губы сложились в язвистую улыбку, вую улыбку. Расслаивается издевательски: — Прощайте! Извините, что обеспокоил.
Полина — откуда сила зияла, толкнула его с маху на табуерку, и молча вышла

из кухни. Вчера она получила азалу — пятьдесят рублей. Деньги — не успела вынуть — так и лежали в сумке. Забрала сумку, вернулась на кухню, достала деньги, не успевшись, пересчитала, отделила пять розовых бумажек. И все это молча, не произнеся ни звука. Борис испуганно наблюдал за ее манипуляциями.
— Я... Вы... — начал было, но Полина не стала его слушать.
— Здесь ровно пятьдесят. Хватит? Или еще добавит?
— Ха... хватит... — прощелал обреченно. Не ждал он, признаться, такого оборота. Уставился потерянню на бумажки, лежащие на кухонном столе, потому как просьба была, пожалуй, не чем иным, как неосознанной провокацией.
— Что ж ты? Забирай.
— Я... я не знаю...
— Забирай-забирай! И как-тис на все четыре стороны!

даль в драку. А чтобы набраться мужества, и промчался — до этого ты не мог додуматься?
— Мужество? Да это же... это трусость!
Как они, однако, молодые, боятся, что их обманят в трусости! И из-за этого способны на любые бессудства.
— Нет, Боря. Иногда, чтобы смолчать, нужно больше мужества и силы, чем ответить дерзостью.
Молчит, смотрит на нее воспаленными глазами.
— Видишь ли, Борис, остановить эго, чтобы оно не росло, как снежный ком, замкнуть его на себе, не пережидая обидчику, — это куда труднее. И благороднее. Понимаешь? Тебя обидели. А ты не обижай! Не возвращай обидчику его зла.
— Ага! Меня — так значит можно унижить?
— А ты не унижай!
— Нишь вы как? Да меня тогда каждый... — Борис сжал кулаки, готовый, кажется, всерьез драться за свое достоинство.
— Боря, — Полина дотронулась до его лежащей на столе руки. — Выслушай меня спокойно, Боря. И постарайся понять. Инна Фадеевна — ошиблась в своем осуждении. А почему — ты не думал? — Почему? Да она меня терпеть не может! Всегда придирается. Первый раз, что ли? Винават — не винават, а она орет: «Эго Петровский! Это я про вас!» Везде Петровский. А я ничего не делаю. Да я и не знал даже про эти трусы. Меня, если хотите звать, и на физкультуре-то не было.
— Правильно. Тебя не было. И ты ничего не делал. А если уж совсем честно, положила руку на сердце? Разве Инна Фадеевна не чувствовала на каждом уроке, не ощущала постоянно твою враждебность, твою готовность к удару? Знал бы ты, как оно пимавает человека, это вечное состояние войны! Вот и сорвалась женщина. Женщина, Борис! И если б ты не ответил ей в тот горячий момент дерзостью, смолчал бы с достоинством настоящего мужчины, то истина вскоре бы обнаружилась, и Инна Фадеевна поняла бы, что обидела тебя напрасно.
— Это теперь — из-за твоих дерзости — она считает себя обиженой, а следовательно, и правой. Вот такие-то дела, друг мой сентий! — не удержавшись, провела рукой по его взлохмаченной шею. Дернула головой, отстраняясь: ешь, мол, чего, какие-то телачьи нежности!
— Эх, Борька! Все мы люди, не ангелы. Взрослые ли, дети, учителя, ученики. У каждого свои слабости, свои боевые точки. Все мы ошибаемся, все страдаем. А надо так мало — научиться понимать друг друга, чтобы не ранили больно, щадить. — Втянула на часы. — Ого! Уже второй час доходит. Может, позвонить маме — она наверняка не спит и останется у меня! Раскладывая пайде-

ся. — Нет, пойду.
— Домой?
— А куда ж, опять в аэропорт?
Улыбнулся, слава богу!
— А деньги, что жутка? — Берн.
— Дадно. Не надо пока.
— Хорошо. Пусть лежат. Если научимся бекать — можем забирать.
На площадке остановился, покрутил головой: — Что-то я совсем запутался.
— Э, мой друг! Тяжкая это наука — жить с людьми.

Кузбасс, 1982,
26 августа, с. 4
(текст см. на следующих
слайдах. ОКОНЧАНИЕ)

Зинаида Чигарева

ПЕДАГОГ

Куда ты там собрался?
Молчит, шалопай, размазывает пальцем по клеенке пролитый чай.
— Ну хоть скажи теперь: из-за чего весь сыр-бор?
— Не из-за чего.
— Ну, разумеется! Обидели мальчика понапрасну! Ах, как жалко себя, бедного!
— И вовсе не жалко. При чем тут жалко? — А самого ссыз на газал.
— Ну, почему так? Как им — так все можно: и клеветать, и оскорблять! Потому что они взрослые, учителя, да? А мне... мне даже правду сказать нельзя! Еще бы! Мальчишка! Ничтожество.
— Мальчишка — это точно, — согласилась Полина Викторовна. — Но зачем же интожество? Я, например, не считала тебя интожеством.
— Но я же ей правду сказал! — чуть ли не бьет себя кулаком в грудь. — Она — несправедливый и злой человек. Правда не так?
— Эх ты, знаток человеческих душ! Инна Фадеевна — вовсе не злой, а просто больно и изагорелый человек. И очен самодовольный. Я думаю, вроде тебя. Мог бы и сам догадаться — не маленький.
— А чего она? — надула губы, как обиженный переклашка. — А чего? Сама не видела, а орет: «Эго он! Это его проделки!» Он всегда назло... Ха, назло! Я уже дурак, чтобы такое назло? — усмехается презрительно.
— Да уж если б он решил на отместку, то наверняка придумал что-нибудь поумнее. И, разумеется, повнушительнее.
— Ой, Борька! — покачала головой — с тобой не заскутасы!
— Ну я и сказал...
— Он сказал!
Удар этот, конечно, был куда чувствительнее, для учительского самолюбия, чем пресловутые красные штаны. Вот у них и пошло-поехало! Цепная реакция. Снежный ком. Снежный ком... Бесконечная спираль зла... Пока кто-то не догадается замкнуть круг, остановить зало себе, не переждавая его дальше. Об этом она только сегодня говорила с начальником детского приемника-распределителя Гвардейским. Вот и драгидилось. Но только молча ешь Борька, аря ли дойдет до него такой премудрости. А все-таки стои попробовать.
— Да, товарищ дорогой! На удар ты ответил двойным ударом.
— Ответил. Ну и что?
— Молодец! Куда как достойно!
— А что мне оставалось делать?
— Да, безвыходное положение. Непременно надо было